

Секунда на размышление...

Ноябрьские сумерки. Свинцовые тучи тяжело повисли над землей и будто плюются мокрыми хлопьями снега. По лицу хлещут мокрые кусты. Под ногами чавкает липкая грязь. Нас пятеро, идем в тыл врага. Минуем притаившиеся на скате блиндажи—наше боевое охранение.

— Стой! Кто идет?—Из под ног выросла фигура.

— Свои, в гости к немцам провожаю,—ответил сопровождающий нас пехотный командир.—Дальше моих нет,—показывая в исписанную трассирующими пулями темноту, предупреждает он.

— Проход знаем,—поводя широкими плечами, басит ефрейтор Смирнов. Не зря он прошлую ночь ползал над рекой, пропущивая чужой берег.

Пехотинец, прощаясь, смотрит в упор в лицо каждому из нас.

— До скорой встречи. И руки в пожатии задерживаются дольше, чем обычно.

— Счастливо,—выдохнул пехотинец и, подавшись за нами всем телом, махнул нам рукой.

Ефрейтор Смирнов шагнул назад, вытащил из кармана гимнастерки белый треугольник, протянул:

— Сохрани, брат. Понимаешь, недочитанное...

Тропинка, извиваясь ужом, бежит к реке. Глубокий обрыв, а внизу бурлит, зло брызжет пеной. Переход. Течение уносит из под ног камни. Сковывает тело леденящая вода.

— Удовольствие не из приятных,—подогнув ногу и выливая воду из сапога, шепчет Смирнов.

Несколько поле, рябое от черных воронок. Большая дорога, изжованная гусеницами танков. Дальше опушка леса. Здесь ядовитой гадюкой улегся передний край обороны противника. Ползем. Взвилась ракета, на мгновение располоснув темноту. Тявкнул пулемет из вражьей берлоги; подхватили, залаяли еще несколько. Тягучий свист. По полу плетями хлестали струи трассирующих пуль.

— Обнаружили. Неужели сорвется дело...—процедил кто-то зло сквозь зубы.

Минуты бешеного обстрела казались вечностью. Но вот стихло. Перемахнули дорогу и—в лес.

* *

Линию фронта перешли благополучно. В штаб радиовали утром. Радист чеканил слова:

— .. Достигли исходного пункта, приступили к разведке.

* * *

Вдоль обочины железной дороги, от леса бежит бровка кустарника. С высотки за дорогой следят пара зорких глаз сержанта Балашова.

— Полюбуйтесь,—шепчет сержант. По шпалам между рельсов, лениво переступая, идут два немца-патруля.

— Будет у них смена, тогда и фугас заложим под рельсу,—решаем мы.

В разрыве между облаков показалась луна. Один из патрулей, долговязый и худой, как жердь, задрал подбородок вверх.

— И впрямь, как волк—сейчас на луну завоет,—не успокаивался Балашов.

Громыхая, пронеслась дрезина, за ней—порожняк, набирая скорость перед подъемом.

— Дорогу, дьяволы, щупают. Видно важный поезд идет. Догадался кто-то. Все замолкают, напряженно прислушиваясь и взглядываясь.

Пора начинать. Отдается последнее распоряжение. Балашов ползет к полотну. Смирнов—на охрану.

Доносится скрежет металла о гальку: это Балашов ножом долбит слежавшийся грунт насыпи. Ему подтаскивают взрывчатку. Тянут шнур.

Ефрейтор Смирнов, лежа за насыпью, провожает взглядом проходящих патрулей. Глаза впились в спину длинного фрица: на ней—белая заплата треугольником.. Смирнов как-то судорожно дернулся всем телом: так сильно захотелось воткнуть нож именно в эту белеющую заплату. Стиснул зубы. Мысли судорожно прыгают, обрываются:

— ... Не дочитал. А писала... разорили... дом сожгли... мсти... жду, милый...

Поезд где-то уже близко. Гудит и дрожит под грудью земля и кажется дрожит она потому, что так сильно бьется сердце.

Балашов работает невдалеке. Патрули опять идут к нему. Он напрягает мускулы всего тела, лихорадочно думая: Не успел... обнаружат... остановят эшелон.

Патрули сходят с линии, идут мимо Смирнова, рядом снова спина, на ней треугольник. Стальной пружиной натянулись мускулы. Нож с легким хрустом ушел в злополучную заплату на спине. Схватился с другим. Клубок тел скатился в черный провал канавы.

Паровоз, тяжело дыша белым паром, подходит Балашова нет.

До боли в кисти сжимаю шнур. Вспотела ладонь... Все нет... Он—у места взрыва... Одна секунда колебания...

И вдруг глухо охнула земля. Дернулся воздух. Ярко, до слепящей глаза боли, взвился в небо гигантский клуб огня. А в стороне от дороги прильнула к камню фигура Балашова.

Громоздятся друг на друга вагоны. Клубы пара с воем рвутся из продырявленного котла..

И снова густая тьма. Отходим к пункту сбора. Бойцы отрывисто докладывают на ходу:

— Одному нож в спину, а другого ласково в обятия принял и так прижал...—опять оскалил зубы Смирнов.

— На рельсах осталось два вагона.

Шло восемнадцать с живой силой и техникой.

— Догнал Балашов.

— Кто рвал?—спрашиваю.

— Я... не успел соединить шнур с чекой взрывателя. Думал пройдет гад—не выполним. Ну и выдернул чеку. Ведь одна секунда была у меня на размышление...—Балашов тихо простонал и повалился. Из обеих рук у него сочится кровь, торчат кости из разбитых пальцев.

Отходим. Покачиваются носилки из свежих прутьев. Позади слышны душу раздирающие вопли и беспорядочная ружейная стрекотня.